

Лад Посадский

И КОМПАНИЯ

**ДЕЛА
ВОЕННЫЕ
книга III**

МИХАИЛ РУСАНОВ

Михаил Русанов

**Лад Посадский и компания.
Книга III. Дела военные**

«Издательские решения»

Русанов М.

Лад Посадский и компания. Книга III. Дела военные /
М. Русанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837455-5

Каждому в Посаде Торговом дело найдётся: и кузнецу, и купцу, и дружиннику. Даже нечисть, самая что ни есть болотная, и та без дела не сидит. Но есть завистники, которым дела посадские — как кость в горле. Дабы разрешить все сомнения, созывается в Посаде саммит. А Ладу Посадскому — первой заботой безопасность дела такого. Как всё сложится, о том и Седобороду не всегда ведомо. Ибо дипломатия — дело сложное, это вам не в плоску с водой глядеть да гадать. Весёлая история с подоплёкой серьёзной.

ISBN 978-5-44-837455-5

© Русанов М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лад Посадский и компания
Книга III. Дела военные
Михаил Русанов

© Михаил Русанов, 2017

© Михаил Иванович Русанов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7455-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

«Война, – дело не хитрое...»

Начало торжественной речи Ярома Живодёра Вырвиглаз на собрании совета Посада.

«Согласен, если ты идиот, и имя тебе Яром Живодёр...»

Ответ М. Уолта на том же собрании.

Примечание: дуэль не состоялась.

Начальнику особого отдела при тайной канцелярии

места здесь дивные тчк леса глухие зпт поля широкие тчк дичи разной – нечитано тчк слухи о том зпт что в лесах посадских живёт племя зпт именуемое у местных нечистью зпт пока не подтвердилось тчк скоро уже месяц как я нахожусь здесь инкогнито зпт а никакой нечисти не видно тчк думаю зпт сомнения и опасения владыки слишком преувеличены тчк народ посадский не злобный тчк торговлю ведёт бойкую зпт тем и живёт тчк есть дружина зпт славная своим прошлым тчк но не думаю зпт что она одна способна защитить посад тчк судя по слухам о делах минувших зпт в моменты опасности все жители Посада берутся за оружие тчк с означенными людьми зпт по списку зпт контакт не налажен тчк верчусь около да рядом тчк выжидаю тчк будет у меня к вам просьба низжайшая тчк пока я здесь служу владыке зпт находясь среди нравов чужих зпт беспокоюсь о судьбе своих родных тчк если будет в чём нужда у них зпт вы уж не оставьте тчк а о деле я помню денно и ночью зпт не сомневайтесь тчк

Соникс

Агенту Сониксу

думать или не думать – не твоя прерогатива зпт времени у тебя осталось не много тчк помни только об этом тчк

День выдался ясный. Солнышко с утра распарило луга покосные. Посад скинул дремоту ночную, и начал новый день как всегда – торговлей бойкой.

Открывались кабаки, полнились ярмарки и базары говором разным, мешанным. Сплетни и слухи, оставив ночное шушуканье, обретали мощь бабьего голоса.

В кузнях Мечплуговича слышались удары молота, сперва редкие, одиночные, после силу и темп набравшие. Им вторили свист и шипение мехов кузнечных.

Хундустанцы открывали сотни лавок, полных всякой невидали. Жёлтые головки кристалльного сахара, каждая весом в четверть пуда, орехи всех сортов – от размера с ноготок, до величины с добрый кулак. И конечно, – блеск оружия. Ножи, сабли, мечи. Над сиянием стали вился аромат приправ, чей пряный вкус перебивался горчинкой зёрен кофейных.

С улицы итайской общины к своим торговым рядам тянулись купцы степенные в своей мудрости, и изворотливые в хитрости. Напутственные слова Комер-сана:

– Пусть и сегодня удача не обойдёт вас стороной, – вселяли уверенность в предвкушении сделок прибыльных.

И бовуссы, и франзонцы, и прочие представители народов разных, все, без исключения, спешили занять места свои на площадях базарных, в рядах торговых.

И уже суетились приказчики, отмечая первые удачные сделки галочками в ведомостях. Полнились народом конторы ссудные, а кое-кто спешил с утра к юристам, в надежде решить вопрос спорный о наследстве, или получить разъяснения по поводу правоты своих претен-

зий к соседу: – «Давеча гуси мои смешались со стаей соседской, и вечером двух десятков я не досчитался! А у соседа стая не в первый раз за одну ночь увеличивается! Не иначе, как тёмной ворожкой занимается сосед. Приговаривает гусей чужих...»

Совет старейшин посадских перед избой просторной собирается. Жмурятся на утреннем солнышке старики длиннородые. Греют кровь старческую. После окрика Зуба, тянутся неспешно в избу, рассаживаются по лавкам. На столах уже к чаю утреннему собрано – и пироги, и мёд, и ветчина холодная, нежная, ломтиками тонкими нарезанная. Что б, значит, легче им было, беззубым, смаковать вкус мяса. И конечно – хлеб посадский, знатный.

Вот попьют чаю старейшины, пообсуждают не торопясь, что кому за ночь приснилось, а ближе к обеду приступят к разбору дел посадских. Оно завсегда сподручнее то, в обед дела решать. Мякишем хлебным в щи жирные макаешь, гусятину, в печи до корочки румяной утомлённую, руками ломаешь, и говоришь, говоришь, говоришь... Или слушаешь, слушаешь, слушаешь... Опосля – и вздремнуть не возбраняется. Приберут девки молодые со столов, принесут подушки мягкие, накидают на лавки. А как же, надо, надо... Послушать – послушали, сказать – сказали. Теперь черёд решения принимать. А с наскоку, с бухты-барухты – неположено. Всё обсудить надо, взвесить. Вот после полуденного сна, когда опять на столы выставят мяса разного, а к нему – наливочки всякие: – и на рябине ставленные, и на меду, и на малине, – вот тут самый раз решениям быть! А коли не найдутся они, решения то, не беда. Завтра день будет – опять соберутся старейшины...

В общем, начался день в Посаде как обычно. Как вчера, позавчера, как пять, десять лет назад. И как завтра начнётся. А будут силы разные милостивы, – и послезавтра, и десять лет спустя. Всё чинно, благопристойно. И это не смотря на то, что ресторация «Пьяный Гоблин» – любимая в народе, стала местом сборищ молодых, охочих до решения дел посадских! Возмутители спокойствия и благочиния! Ничего, пройдёт время, отрастят бороды седые эти ранние, быстрые на решения, займут места в совете – вот тогда, имея мудрость жизни, пушай верховодят! А пока – пусть забавляются в ресторации. Что ещё им там делать? Пить, есть, да «Гадюкины Ведомости» читать. Ох, грамотные все...

Однако в дружине посадской с утра всё случилось не так как всегда. И не мудрено. Две недели назад, набрал Яром Живодёр Вырвиглаз новобранцев в дружину. Три десятка молодцов посадских, решивших жизнь свою посвятить достойному из дел – защите Посада, терпели его муштру, и слушались как отца родного. Лыстило подобное воеводе.

Отбирал новобранцев Яром лично. Из тридцати двух, при всей строгости отбора, выбрал тридцать. Тридцать первый оказался хромым с рождения. Тридцать второй – и вовсе девкой! Потянулась дурёха за любимым в дружину. Волосы остригла, – а что, на всех собраниях совета женщин Посада (ах, Гадина, Гадина!) только и слышно про феминизм, – костюм мужской напялила, и явилась пред очи Ярома. И кабы не Пустолоб, опознавший дочь соседа, то быть позору дружине! Вот и ярился Яром пуще прежнего, гоняя с утра до вечера новобранцев. Ведь оно как есть – в учении горечь и пот, в сражении – победа и слава! (Про возможную гибель во цвете лет на поле брани, Яром благоразумно молчал).

Дружинники поддерживали новобранцев, где шуткой беззлобной, где хлопком по плечу. Новобранцам легче не становилось. Но уйти никто не решался – хоть и знают в Посаде про лютость и самодурство Ярома, а всё равно – засмеют и освистают. С таким позором не покажешься на ярмарке или базаре. Девки молодые отвернутся...

– Чего спите? А?! Подъём! А ну, встать! Проспите всё на свете! Все на двор, чтоб вас кувырало!!!!

После пробежки и умывания водой колодезной – завтрак, простой, но сытный. Каша гречневая с мясом, чай остывший с пирогами рыбными. Стряп Свиныч расстарался, злыдень этакий!

Проверив тарелки на предмет чистоты, – дружиннику должно с утра всё съесть, а как же, какой он к Чер-Тую воин (тьфу!!!), коли тарелку каши осилить с утра не может?, – построил Яром новобранцев в колонну, и повёл в поле, что верстах в трёх за слободой дружинной в лесу раскинулось. Значились нынче в расписании обучения стрельбы из лука. Вроде и пустяк, в Посаде каждый сызмальства знает, как стрелять. Ан нет, не всё так просто...

За молодцами увязались девки молодые, за ними матери да тётки – как бы чего не вышло с дурёхами, а там и старики да мужики бездельные приبلудились.

В поле выстроил Яром новобранцев в линию. На другом конце, шагах в пятидесяти, Пустолоб заблаговременно установил мишени – чучела соломенные, на шестах в землю воткнутые. Любопытный народ за спинами бойцов обустроился – расстелились на земле платки домотканые, появились крынки с молоком, хлеб, мясо холодное, зелень. Тётки семечки лузгали. А где-то и приторговывать пытались – пирогами домашними, с картошкой, капустой и яблоками.

Расселись девки и тётки, мужики позади них развалились. Смотрят, как Яром муштрует молодых, любятоя воеводой, судачат о том, о сём.

Яром, безуспешно пытавшийся спрятать разжиревшее брюхо затянутым ремнём кожаным, велел Пустолобу раздать каждому новобранцу лук и десяток стрел. Прошёлся вдоль строя, внимательно осматривая бойцов. Перед одними кричал удовлетворительно, перед другими – брови хмурил. Встал в сторону и гаркнул:

– На изготовку! Тетиву туго натягивать! До самого правого уха-а-а! Перо стрелы аккурат возле самого глаза-а-а! Во-о-от... Молодцы! И на выдохе-е-е... Пли!!! А-а-а, чтоб вас свиньи заели! Ма-зи-лы! Дар-мо-еды! Всех в свинарниках сгною! И не видать вам славы дружинников посадских, как своих ушей! А ну, ещё раз! Тетиву туго натягивать....

– А чего воевода так ярится? – Удивлялись девки. – Ребята вон как стараются. В струнку вытянулись... А он всё орёт, горло дерёт.

– Как же ему не орать, – отвечал кто-нибудь из мужиков, – коли ребята твои окромя молодости в плечах широкой, разумения более никакого не имеют? Вишь, как стрелы то легли? В самый раз позади мишеней. И ни одна в цель не попала! Вот в нашу бытность, за такое не то, что свинарником пугали, ремни сыромятные на спины ложились. Вот. Тут то наука воинская в разы быстрее усваивалась.

– Да хватит брехать то! – Осаживали старухи такого. – Нашёлся, знаток науки воинской! Где же ты её видел-нюхал, науку то эту, а? А ещё про ремни речь ведёт. Да ты их и не чувствовал на спине собственной, толстокожий ты, тьфу! Ну, разве что мальцом голым, когда мамка тебя из баньки выгнать не могла, ха-ха-ха!

– Вот-вот, – тут же нашлись те, кто это воочию видел, – бежал и щебетал во весь голос – маменька, не бей, маменька, не нада-а-а-а...

Мужик краснел, махал рукой.

– А ну вас...

Смеялись все, подначивали.

– Нет, он знает, что такое ремень сыромятный. Давеча захожу к нему на двор, а жена Анюська, во весь его голос честерит... Да ремешком то этим и охаживает его по бокам да заднице!

– Ну-у, эт ты врёшь, старая! Не было такого! Да чтоб моя Анюська...

– А что?! – Подбоченивались тётки. – Вам можно, а нам нельзя?!

– Да угомонитесь вы, сороки! – Шикали старики. – Совсем распоясались... Не к добру, ох, не к добру ваши советы женские! А Гадина, на пару с этой бестией рыжей, пришедшей, всё мутят и мутят вам головы! А вы, курицы, рты и разинули! У-у-у-у!

– Гадину не троньте! И Соньку Рыжую в покое оставьте! Не год и не два жена она Меч-плуговичу, а вы всё – пришедшая да пришедшая! Твердолобые вы, деды. Как дубы на той опушке...

– А ну, цыц, дурёхи! Вишь, Яром сам за лук взялся.

Гомон и смешки в миг стихли.

Яром важно прохаживался вдоль строя. В одной руке держал он лук хундустанский, из рогов барана горного выгнутый. Умаялся воевода. На лбу испарина. Ремень сполз, и меч посадский по земле волочился. Брюшко, отросшее за последние годы спокойной и сытой жизни, – верный признак купца зажиточного, но никак не воеводы, – свободу почувствовав, выпятилось, и стал Яром на гусака жирного похож.

– Вот что, мазилы, были бы вы с нами в походах дальних, или хотя бы в битве той знатной, – тут голос воеводы дрогнул, слезу дал, – знали бы вы, что почём! Смотрите, как стрелять надо!

Щёлкнул тетивой проверяя, положил стрелу, и... Натянуть то тетиву он натянул. С трудом, видать, вышло. Ибо взмок весь воевода, да рука, лук сжимавшая, дрожью пошла. Тужился Яром, прицеливался, и, как других учил, на выдохе пустил стрелу. Восхищению публики предела не было! И не беда, что стрела в цель не попала. Прошла над, ушла ввысь, потом вниз скользнула, и затерялась в лесу. Так далеко новобранцы не стреляли. Они же, неучи, в мишени целились, вот и ложились стрелы шагах в десяти позади чучел в землю, оперением дрожа. А Яром... всех превзошёл, что тут скажешь.

Бросив лук, и грозно зыркнув на толпу, Яром выпрямился, подобрал живот, грудь выгнул.

– Так далеко стрелять должны! А вы, дармоеды, и с пятидесяти шагов попасть не можете. А ну, чего рты разинули?! Тетиву туго натягивать! Раз! Перо стрелы к глазу! Два!...

Чему и как научил бы Яром в это утро новобранцев – ещё вопрос. Только заминка вышла. После очередного залпа, – стрелы, кстати, опять за мишенями в землю уткнулись, – на окраине поляны появился обоз. Таких телег в Посаде отродясь не видывали. Ни спереди, ни с боку, да чего уж тут – всяких чудаков на свете хватает – ни даже сзади, не имел обоз движущей силы. То бишь – лошадей. Не было оных, хоть тресни и слюной изойди!!!

Шёл обоз ходко, сам, словно чародейство в нём какое жило, гудело, дымом чёрным воздух травило сквозь трубу.

Замешкались новобранцы. Пустолоб слюну пускал. Собравшийся народ на ноги повскакивал – эка невидаль явилась с утра! Будет о чём после судачить на базарах и ярмарках. Один Яром не потерял присутствие духа. Сплюнув, и нечисть помянув, заорал:

– На изготовку! По движущейся мишени – пли!!!

– А может... ну, повременим, а? – Подал голос Пустолоб. – Подождём, и оно... чудо это... само исчезнет?

– Да какое это чудо, раскудрит тебя через коромысло, нечисть это, тьфу!!! Пли!!!

В этот раз пошли стрелы кучно. И на удивление – далеко. Яром видел как две или три стрелы ударили в бок обоза чудного, и отскочили. Обоз дёрнулся, пустил большущее облако дыма чёрного, крутанулся на месте, и исчез в редколесье.

Вернувшись в слободу, тешил утробу свою Яром наливкой сливовой почитай до самого ужина. Весть о подвиге воеводы – Пустолоб расстарался – в миг облетела слободу. После и в Посад пошла гулять. И мнилось Яром за ужином, что не ведал он страха при виде чуда нездешнего. Пустолоб, осоловевший от чарки лишней, ворочал языком оловянным, расхваляя удаль воеводы.

А новобранцы после случая такого сразу как-то и повзрослели. И приняты были негласно старыми дружинниками в братство безоговорочно...

В обед М. Уолту обо всём доложили.

Ситуацию в мельчайших подробностях обрисовал человек подручный.

«Внештатники» – так их Донд обозвал – находились на содержании ЗАО, и за мзду небольшую М. Уолт имел зоркие глаза да чуткие уши почти на каждом мало-мальски значимом событии в Посаде. Открывается ли новый ряд торговый, приезжает ли купец богатый и знатный, или же какая размолвка вышла между диаспорами разными – М. Уолт узнавал обо всём сразу.

Сеть осведомителей составлялась тщательно, и под личным контролем Донда. М. Уолт понимал – подобные действия нарушают статус Посада как града свободного. Что же это за свобода, если всюду за тобой приглядывает кто-то? Но пока никто подобных вопросов не задавал.

– Значит, объявился? – Тихо спросил М. Уолт.

– Все прочие на виду, при посольствах своих. А этот...

– Знаешь кто? – М. Уолт внимательно посмотрел на Донда.

– Работаем над этим.

– Нд-а-а... Плохо. Я в Синдикат запрос пошлю. Общій. Не надо их пока тревожить по пустякам. Но кое-что вытянуть из них, по мелочам, попробую. А ты сеть агентурную прочеши. Не может такого быть, что бы он... нигде не засветился. Да, загляни к этим, как их там... к девкам, в общем.

– К феминисткам?!

– Вот-вот, к ним. «Боевка» у них отлично организована. Пора нам в их сторону реверанс изобразить, пора.

На тонких губах М. Уолта скользнула улыбка.

Донд всё понял...

М. Уолт долго смотрел в окно, размышляя о превратностях своей жизни. Когда-то давно назначение в Посад казалось ему большой удачей. Подальше от распрей заморских далей, природа, не изгаженная промышленным дымом. Тишь и покой. Ан нет. Не вышло. Настигли проблемы большого мира и здесь...

Года прошли. Родным стал Посад. И никуда отсюда не хочется...

Комер-сан сощурил глазки, и без того узкие.

– Уважаемый, правду ли ты сказал?

Человек перед ним побледнел. Взор у Комер-сана особый. Насквозь видит человека. И даже суть явлений многих постигает без хлопот...

Когда-то, толи на краю этого мира, толи в другой вселенной (от Комер-сана всего можно ожидать!), случился у него забавный разговор с молодым человеком по имени Шнэ Тейн¹.

Молодой человек не сказать, что был умён, но наглость, заменившая живость ума, компенсировала этот недостаток. Он схватывал всё на лету – и чаевые, и мысли мудрые, кои понимал он не больше, чем знаменитый осёл Буридана! (О, это, я вам скажу, был ещё тот случай! Но речь не о нём...)

Шнэ Тейн работал официантом в ресторанчике, неподалёку от университета, в котором Комер-сан, по стечению обстоятельств, читал цикл лекций по экономике.

Замечательные, надо заметить, лекции.

¹ Прочти имя наоборот, а фамилию не меняй, будешь очень удивлён (здесь и далее прим. автора)

Позже, пара нерадивых студентов – Мада Тимс² и Дивад Одракир³ – извратив всё, что Комер-сан вдалбливал им в головы, явили миру новую экономическую теорию в двух частях. **Принцип абсолютного непонимания и принцип сравнительного непонимания!** И тем самым усложнили до безобразия и без того непростые дела торговые, то бишь – экономику!

Так вот, как-то после чашки превосходного итайского чая, попытался Комер-сан объяснить Шнэ Тейну, что размер запрашиваемых чаевых не соответствует уровню сервиса. Шнэ Тейн упорствовал, настаивая на том, что с его точки зрения сумма чаевых – самая подходящая.

Комер-сан сдался. Глупость и упрямство – стена, которую не перепрыгнешь.

– Что ж, может так оно и есть, – вздохнул Комер-сан, бросая в фарфоровую тарелочку горсть меди. – Ведь всё относительно в мире.

Каково же было его удивление, когда по прошествии лет десяти, ему сообщили, что Шнэ Тейн стал не просто знаменитым, но и очень богатым человеком, преуспевающим в бизнесе. Его супермаркеты «ИгдеяАтамты» предлагали покупателям не самые лучшие товары по очень высокой цене. На многочисленных пресс-конференциях объяснял Шнэ Тейн это просто:

– Для вас дорого? А для меня в самый раз. Ведь всё **ОТНОСИТЕЛЬНО!** Понимаете – **ОТ-НО-СИ-ТЕ-ЛЬ-НО!** Взяли и отнесли.

И загадочно улыбался.

Именно из-за слова «относительно» и загадочной улыбки, люди почему-то охотно покупали его товары, чувствуя при этом, что приобщаются к чему-то очень непонятному, но уж больно мудрому.

А кому хочется выглядеть дураком?

Впрочем, нет ничего удивительного, что на том краю (или в другой вселенной), где миром стала править абсурдная теория Мада Тимса и Дивада Одракира, ещё одна теория – теория относительности (в смысле – **ВЗЯЛИ И ОТНЕСЛИ**), приобрела такую популярность!

Создаётся впечатление, что ТАМ вообще одни лишь ТЕОРИИ.

Что ещё раз подтверждает – видит Комер-сан суть явлений. (Иначе не выбрал бы он Посад для постоянного места жительства. Ибо как можно спокойно жить там, где всё существующее не доказано, а лишь описано ТЕОРИЯМИ?)

– Зрит итаец в самый корень. – Так высказалась о Комер-сане одна умная КОЗА, живущая на берегу глубокого ПРУДА, заполненного водами житейской мудрости...

– Подумай, так ли всё на самом деле, как ты сказал.

– Именно так. – Человек отвёл взгляд.

– Хорошо. Ступай.

Новость была странной. Нет, конечно, не в первый раз кто-то встречи ищет с Комер-саном. Тайно ищет. Не в новинку. И причины могут быть у ищущего разные. Всё понятно и здесь. Купцы из разных общин, и люд посадский, простой, и даже старейшины – у всех могут быть и причины и тайны.

Кто за советом идёт, кто с деловым предложением. Бывает, что среди гостей и такие попадают, чьи мысли недобрым светят. Но таких Комер-сан, с улыбкой выслушав, отпускал без ответа. И больше не принимал.

Находились тысячи причин – то уважаемый купец итайский в отсутствии, то приболел, то занят сейчас чем-то важным.

Понимал тогда человек тот – нет ему пути к Комер-сану. А тут ещё дружинники начинали проявлять интерес к делам его. И тогда одно из двух – либо покидай Посад навсегда, либо иди с повинной к воеводе посадскому.

² Прочти наоборот и получишь имя создателя небезызвестной экономической теории.

³ Прочти наоборот и узнаешь имя оппонента первого.

Задумался Комер-сан. Взглянул на доску шахматную, с фигурками резными из кости. Тронул коня. Придёт Седобород, сделает ответный ход. Уж, поди, месяц партию эту играют. Не спеша. Говорят о разном, фигурки переставляют.

Везде есть зерно рациональное. Слов таких Комер-сан при посадских старался не проносить. Плюются ещё. За обереги хватаются. Но наедине с собой размышлял Комер-сан не хуже учёного философа бовусского. Кто-то ищет встречи.

Купец? Агент торговой фирмы? Али концерн заморский прислал представителя? Или по ведомству М. Уолта идёт этот «кто-то»? Шпион? Чей?... Один вопрос тянет за собой с десяток других. Слухи, полусшепот, сплетни... На прямую – ни-ни! Задача. Чем грозит это Посаду, и лично ему, Комер-сану? Есть ли выгода там, где другие видят потери?

Съел Комер-сан вишенку, сплюнул косточку, и поставил коня на место. Не удачный ход.

* * *

В «Пьяном Гоблине» в обед не протолкнуться. И клиенты все – люди солидные, на баловство желудка деньги не жалеющие.

Много способов в Посаде потешить собственное самолюбие – и лавки торговые богатые, и одежда из тканей дорогих итайских. И речь размеренная, неторопливая, вдумчивая.

Но только здесь, в ресторации, можно совместить приятное с полезным. Отведать лучшие блюда, и показать другим – вот, могу позволить себе и то, и это.

Вот и старались все в ресторации перещеголять друг друга. Бовуссцы в обед целого кабана жареного заказывают, франзонцы – десяток бутылок вина благородного, итайцы – народ утонченный – чай дорогой попивают. А посадские купцы и вовсе народ души широкой. Мало того, что заказывают полный стол яств разных, так ещё от щедрот душевных соседей угощают – то буженинку на стол к бовуссам отправят, то рыбки франзонцам предложат. А рыбка то на стол еле вмещается, а буженина весом никак не меньше пол пуда!

Гадине подобное в радость. Прибыльным делом оказалась ресторация.

Гоблин, Сэр Тумак, иногда сиживает за столом угловым, на вечное пользование за ним закреплённым. Тоже – реклама. А теперь и Наковальня Мечплугович, кузнец главный, часто заглядывать стал. Вот и сегодня встретились оба. Заказали по скромному – пива да мяса холодного, лещей вяленых. Посетителям – радость. Где ещё воочию увидишь героев знатных вместе?

– Что-то ты, кузнец, зачастил сюда. – Гоблин хлебнул пива тёмного, бовусского. – Не иначе, как к юбке тебя пришили намертво.

Рассмеялся Наковальня.

– Вот умный ты, шерстяной, а невдомёк тебе, что есть на свете любовь.

– Так я о том и говорю. Любовь, юбка... Разницы нет. Как только стала твоя рыжая в партнёрах по делу у Гадины ходить, тут и ты объявился. Словно в кузнях посадских больше дела нет. Сколь уж лет женат, а всё про любовь толкуешь. Не надоело?

– Не понять тебе... Вот не вижу её пол дня, и всё. В груди что-то ноет и тянет.

– Да ты...пей пиво! Чего на двери смотришь? Наверху она, с Гадиной. Встреча у них. Совет женщин Посада. Женщины, а туда же, дела решать стремятся.

– Согласись, получается у них.

Посмотрел гоблин на кузнеца печально.

– Любовь... она кого хочешь с ног собьёт.

– Да не собьёт. Крепче стоять помогает.

– Тут кому как повезёт. – Хмыкнул гоблин.

Наковальня покачал головой. Что взять с лохматого? Сколько лет в лесу обретается в одиночестве. Нечисть не в счёт, тьфу! Пожалеть бы ущербного. Да не выйдет. Гордый Сэр Тумак.

– Слышал, как Яромушка утром отличился?

Гоблин махнул рукой.

– Брехня. В лесу ветка хрустнет, так Яром дружину поднять готов.

– Нет, – задумался Наковальня. – В этот раз дело действительно странное. Такие обозы мы с тобой насмотрелись в стране за Звёздными туманами. Там они не в диковинку, а у нас им откуда взяться?

– Ну-у, – гоблин пополнил кружку, – мастеров и у нас хватает. Взбрела в голову кому-то идея, вот и результат.... Хотя, сколь живу здесь, а всё диву даюсь – во всём мире давно НТ – революция идёт...

– Чего, чего?

– А, новые технологии.

– Да? – Наковальня странно взглянул на гоблина и одним глотком осушил свою кружку.

– А у нас вроде, как и застой выходит, – продолжал гоблин. – Всё по старинке живём.

– Деды так жили.

– Жили, – согласился гоблин. – Но ты вот кузни перестроил. Что, хуже стало?

– Лучше.

– То-то. Впрочем, прав ты в чём-то.

– Вот и надо обдумать...

– О чём это вы тут болтаете, а? Что обдумать хотите?

Гоблин от неожиданности голову в плечи втянул, а Наковальня... Наковальня в улыбке расплылся.

Гадина и Саша Рыжая стояли возле их столика. Подбоченились обе. В глазах юморок горит.

– А мы тут это... того...

– Вас ожидаем. – Буркнул гоблин.

– Женщины делом заняты, а они за столом лясы точат. – Насмехаясь, Гадина за стол присела. Ткнула Мечплуговича в бок. – Вставай, вставай. Жёнушка твоя сегодня сильно торопится. Проводил бы ты её, любезный.

Раскраснелся Наковальня.

– Ну... я пошёл, что ли.

– Ага, – кивнул гоблин. – Иди. Если что, в кузнях найду тебя.

Наковальня намёк понял, напустил на себя деловой вид. Подхватил жену под руку и направился к выходу.

– Ох, и хитёр ты, Сэр Тумак. – Гадина подвинула к нему стул. – Где ж ты ума набрался? Всё по лесам да болотам шастаешь. А там какой ум? Одни комары, да нечисть.

– А ты сама то, не наших ли будешь, а, Гадина, дочь колдуна франзонского? А подруга твоя, наперсница, не знатная ли ведьма?

– Говорю же, хитёр ты. Так что вы тут обсуждали?

– А тебе всё знать надо? Лучше скажи, где вторые сутки Лад пропадает.

– У Седоборода он. Опять что-то старик замышляет. А что – не говорит. – Загрустила Гадина. – Я кто? Жена Ладу. Так не уж то мне знать не положено?!

– Тебе расскажи, так через день весь Посад знать будет. Пропечатаешь в «Ведомостях», и всё, нету тайны и секретности.

– Чай, не глупая я. Знаю что публиковать, а что придержать до времени.

– Вот и придержи своё любопытство.

– Ах ты... Шерсть бы тебе повидёрживать, да не клочьями, а по волоску, чтоб больней было!

С тем и ушла.

Гоблин проводил её улыбкой. После над словами кузнеца задумался. Спустя две кружки пива (в ресторации время Сэр Тумак мерил не часами, а кружками), решил он на заимку поскорее вернуться. С Сичкарём (тьфу!!!) надо бы разговор устроить...

* * *

– Явился? И чего это Седобороду от тебя потребовалось? Два дня тебя не видно, не слышно!

– Да так... мелочь. – Замялся Лад, сапоги хундустанские снимая.

– Знаю я эти «мелочи»! То с гоблином в карты играешь, то со стариком, из ума выжившим, опять что-то замышляешь! Вон, Наковальня, по нему и видать, что женат человек. Хоть и пропадает в кузнях своих, а о доме не забывает. К жене спешит. Ох, и повезло же Соньке! А у меня муженёк непутёвый. Они порой ужинать приходят... А ты меня ни разу в ресторацию не пригласил.

– Так твоя же она. Чего приглашать? Ты там хозяйка. Когда хочешь – пришла. Что хочешь – поела.

Лад с трудом скинул сапоги, в угол поставил.

– Дурак ты, Ладушка. – Вздохнула Гадина, поправила одеяло шёлковое, и отвернулась к стене.

Лад плечами пожал, разделся, лёг рядом.

– Слышала новость?

– Будто Яром с новобранцами нечисть гонял? Чушь это.

– Про нечисть не знал... А вот о том, что он утром, совершая объезд дозорный вокруг Посада, уберёт покой торговли честной, путём побития ворога тайного, об этом всё ярмарки шумят.

– Ой, ты, надо же... – Встрепенулась Гадина, повернулась к мужу, голову на грудь его положила. – «Покой уберёт»!!! Да напился твой воевода. Голову припекло, вот и привиделось невесть что. Какие вороги тайные?! Ты то хоть не повторяй чепухи базарной! Все вороги тайные нынче как на ладони. При посольствах своих ошиваются. Всё законно и легально.

Отучился Лад слюну разбрызгивать по поводу и без. Но иногда хотелось ему в сердцах сплюнуть, как раньше бывало, унять тревогу пусть слабым, но всё же утешением – обряд совершён, и нет над ним силы ворожбы.

– Ты сказала бы Зятю, пусть не шумит при всех. А то, что это за дела, – как только ступаю на двор, имея желание в делах хозяйских участие принять, или совет дельный кому дать, так она, ведьма старая, кричит на меня, будто и не хозяин я здесь! Да ещё и при всех.

– А нечего тебе, милый, в дела домашние вникать. Ты кто? Купец знатный. Дела торговые в гору идут. Она же не учит тебя как торговлю вести. Вот и ты не суйся! Да и какие советы дельные от тебя, ежели ты в хозяйстве домашнем ну прям как ребёнок! Того и гляди, чтоб чего с тобой не случилось! Чего стоила затея твоя с мельницей механической! Побаловался недельку, выстроил невесть что... Хорошо, ума хватило на испытаниях народ разогнать. Никого не убило, когда на куски всё разлетелось! Сколько потом насмешки терпели? Поди, месяца два в Посаде шутки смешнее не было. Ох, и натерпелась я... Ладно, не сопи. Скажу. Спи.

Поворочался Лад на перинах мягких, обнял жену, и заснул с мыслью – надо бы завтра к Комер-сану заглянуть. А после, и на заимку, гоблина повидать. Может он всё объяснит. А то что-то не так с этим случаем странным... вороги тайные... дружина... Гадина... милая.

Глава 2

«Кабы не уважение к совету, разве сидел бы я с этим недоумком за одним столом!?!»

Сэр Тумак о Пустолобе. Собрание совета Посада.

«Эх, дожили! Клуб шерсти нас, коренных посадских, поучает!»

Пустолоб на ушко Ярому. Собрание совета Посада.

Примечание: Седобород услышал, и отвесил Пустолобу подзатыльник.

Начальнику особого отдела при тайной канцелярии

не все плохо тчк в ресторации «пьяный гоблин» выбор блюд огромен тчк давеча довелось отведать судака заливного тчк и не скажусь зпт что блюдо сие восхитительное зпт не по карману простому жителю посада тчк а ещё понравился напиток зпт именуемый у местных водкой тчк после трёх напёрстков показали мне все родными зпт а в теле гибкость странная ощущалась тчк дело до слёз дошло тчк тчк тчк Соникс

Агенту Сониксу

опасайся змия зелёного вскл знк

и вот ещё что зпт если ты зпт жалкая пародия на воплощение великих идей владыки зпт не примешься за дело сей же час зпт то кара зпт постигшая тебя и твоих родных зпт будет безмерной вскл знк

– Ох, детей тебе надо, хозяйюшка. – Зятя Тёщевна подала на стол чай горячий, а к нему блинчики румяные со сметаной. – Сколь годков замужем, пора бы, ой пора.

Гадина зарделась, сдула пыл с кипятка.

– Дел вон сколько... Где тут о семье думать! Ладушка весь в заботах.

– Дел много, да. Только всех то не переделаешь и во век. А хозяин... чудной он, спору нет. И заботы его мало кому понятны. На базарах и ярмарках лучшие места заняты! В достатке живём. Знаемса и с Комер-саном, и с мудрым Седобородом! А старейшины Посада, все как один, не прочь в ресторации вечерок-другой провести. Какие уж тут заботы? Всё как по маслу идёт. Пора бы и о детках подумать!

– Да ну тебя! – Рассмеялась Гадина.

– Смейся... Это к добру. А подумать стоит. Есть у меня порошок один. Купец итайский по секрету продал. Так я его на свиньях опробовала. Такое случилось у них! Ох, и словами не сказать.

– Без порошков обойдёмся! – Резко осадил Гадина. – Я не свинья какая! Да и Лад мой, чай, не вепрь! В оборотнях не ходим!

– Да я...

– Хватит! – Нахмурилась Гадина. – Лучше поведай мне, почему каждую третью ночь в лес ходишь? Чего засуетилась, а?

– Так я... это... травы какой собрать.

– В доме все чуланы сеном забиты! В кабинете моём от трав сухих дышать нечем. А тебе всё мало?

– Так от духов злых, от взглядов косых, слов недобрых. – Затараторила Зятя. – Народу в доме вон сколько бывает! За всеми и не уследишь. А трава... она нехорошее в себя впитывает.

– Хитришь ты, Зятя. Но... пускай. Знаю, к недоброму ты не склонна. Дом этот тебе родным стал.

– Вот-вот, хозяйшка. А хочешь, погадаю тебе?

– Вечером. Сейчас пора мне. Соньке Рыжей обещала в гости быть по полудни. Как Лад проснётся, завтрак накрой ему. Потом, коли изволит, не мешай в делах домашних хозяйничать. Да не хмурься. Знаю, что бы не решил он, всё по-твоему будет. Пусть мужик побалуется. Хозяин ведь.

Усмехнулась Зятя, сощурила глазки, носом с горбинкой шмыгнула. Ой, умна хозяйшка-а-а!

– Слышала я тут сплетню одну новую.

– Да? – Живо заинтересовалась Гадина.

Сплетни и слухи в Посаде – чуть ли не главные источники новостей и всякой другой информации. Даже «Гадюкины Ведомости», и те лишь вторят тому, о чём народ уже неделю как болтает.

– Что же это за новость такая, ну?

– Болтают о том, о чём всегда любят на базарах и ярмарках пошуметь. Кто кому сколько должен. У кого какой товар лучше. Кто замуж идёт, а кто от женитьбы бежит.

– Сплетня то новая о чём? Уж, не о подвиге ли Ярома? Так это уже не новость.

– Разве? Не знаю, что за подвиги совершил воевода, а вот о чудном обозе стоит задуматься. Сам едет, и дыму напустил – не продохнуть! Когда-то, давно, видела я нечто подобное... Да не об этом речь! Вот ведь напасть какая, – все о чуде болтают, а о главном забыли!

– Говори.

– Что обоз этот в землях наших ДЕЛАЕТ? Странностей у нас всегда хватает. Что ни день, то чудо новое. Но, – родное. Местное. А если и заморское, то понятное, на ощупь попробовать можно. А этот, обоз, значит, тайком по лесам ездит. Почему в Посаде не объявился? Привыкли тут к невидали. Пошумели бы денька два, да и забыли. Ан нет. Не появляется. Как бы не обернулось это всё...

– Чем?

– Чем, чем... походом новым героев посадских! Али и того хуже, – войной!

– Ну, уж нет! – Хватила Гадина ладошкой по столу. Чашки с чаем подпрыгнули. – Натерпелись! Не пушу более Лада НИ-КУ-ДА!!! Ишь, моду взяли, чуть что непонять, так сразу поход! На месте разберёмся. Без походов дальних. Что же мне, всю жизнь его дожидаться?! Годы идут. А в походах этих ещё неизвестно чем обернуться всё может! Муж он мне, а не проезжий какой!!! Ты вот что, Зятя, пошушуй по базарам и ярмаркам. Пусть словечко – другое. Мол, обременительны походы дальние для казны Посада. Да и не нужны они более. Пусть ветерком мыслишка такая разнесётся над Посадом. Особо пусть женщины о том шумят. Остальное, – наша задача. Разберёмся. В «Ведомостях» пропечатаем одну идейку, тогда и посмотрим!

Брови её дугой к переносице сошлись, в глазах сталь блеснула.

Зятя головой закивала. Поняла.

Только ушла Гадина со двора, как Зятя дворню собрала. Распоряжение каждому дала. Проверила быстро, всё ли в доме в порядке, все ли при делах – кто в конюшне прибирается, кто на птичьем дворе заправляет, кто в подвалах счёт ведёт: сколь бутылок вина франзонского, сколь бочек мёду, и каков чистый доход от продажи головок сырных.

После девок позвала, каждой по дому работу нашла. А двум, рыжим и конопатым, заявила:

– Как хозяин встанет, завтрак ему сытный подать! Мясо, чашку мёда, хлеб душистый. Да, ещё кофей хундустанский, тьфу! Будет просить чего из алкоголя, отказать! Настаивать начнёт – на меня сошлитесь. Да припугните, мол, хозяйке всё расскажите. Ясно? Да смотреть мне, чтоб

всё съел! Мужик с утра голодный – быть к вечеру беде. Коли захочет по делам хозяйским всё осмотреть – препятствий не чинить. Со всем соглашаться, но ничего не выполнять!

После разоделась Зятя как на праздник – в шелка итайские да кружева франзонские. В куль бумажный сыпанула две жмени семечек подсолнуха, жареных, маслом сбрызнутых да солью приправленных, и пошла в Посад торговый, по ярмаркам и базарам прогуляться. В лавки торговые заглянуть. Перекинуться парой фраз с другими старухами. А где и с мужиками деловитыми поговорить о том, о сём...

* * *

Время – странное измерение мира. В том Седобород был уверен. Иной раз хочешь, чтоб бежало оно быстрее ветра! Ан нет, – тянется как патока липкая. Другой раз остановить желает, а время как вода сквозь пальцы утекает. Оглянуться не успел, и нет ни дня, ни часа, ни секунды одной!

Одному делу и часа хватает.

Для другого – года мало.

А для слухов время всё равно, что дрожжи для теста. В первый день лишь круги на воде. На второй – уже пена сплошная! А на третий – вязкое месиво. Перебродившее. И пойдешь, разберись, – где и с чего всё началось!

Вот и выходит, что времени всего ничего – три дня и три ночи, – а слухи уж по всему Посаду разнеслись.

Да не ЭТО беда.

Слухами и сплетнями в Посаде многие живут. «Гадюкины Ведомости», и те им вторят! Вот и побираются тем, что там да сям услышат. А услышанное раз в одном месте, в другом обрастает комментариями и личными впечатлениями, – вот где корень то!

И оборачивается после запуск детворой беззаботной змея воздушного (новинка купцов итайских), летающей короной над пастбищами Посада!

Истошный вопль в ночи жены кабатчика нерадивого – «Что ж ты, олух бессовестный, всю медовуху в бане извёл!», – резким взлётом цен на всю алкогольную продукцию в округе целой!

Замеченный кем-то в утреннем мареве медведь в малинике, к вечеру превращается в самого Чер-Туя (тьфу!!!), чтоб ему всю жизнь в медвежьей шкуре пребывать! И спрос на малину падает!

Оно и понятно, кто захочет ягоду покупать, над которой нечисть главная ворожила, а?! То-то.

Но больше всего достают слухи политические.

Брехнёт где-то кто-то, мол, не всё так ладно в Посаде, коли опять нужда в походе дальнем появилась. И всё, – спокойствия как не бывало! Посадские на послов иноземных косятся. Феминистки в сапогах мужских марши затевают. А купцы чинные за распросами к старейшине совета Зубу спешат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.